

Дадаев Ю.У.
Дадаев К.С.

НАИБЫ И МУДИРЫ ШАМИЛЯ

Дагестанский Государственный Университет

Дадаев Ю. У.

Дадаев К. С.

НАИБЫ И МУДИРЫ ШАМИЛЯ

Махачкала 2019

*Шуаиб
из Центороя*

ШУАИБ-МУЛЛА из с. Центорой

Шуаиб-мулла Центороевский был назначен мудиром Мичиковской волости в конце 1840 г. Убит кровниками в начале марта 1844 г. в с. Центорой.

Шуаиб родился в селении Билта-ойла (современный Тухчар Новолакского района Дагестана. – Ю. Д.) в 1804 г. в семье ученого Мухаммада, который дважды совершил хадж в Мекку. Мухаммад-мулла был не только крупным ученым-арабистом, просветителем, но и пользовался огромным уважением и авторитетом среди чеченского народа, долгое время возглавлял Совет страны (Мехкан кхел) в Нохч-Мохке. Все его родные жили в ауле Центорой (Ичкерия). К этому же тейпу – Центорой – принадлежал и Шуаиб².

К моменту появления Шамиля в Чечне после поражения на Ахульго он был помощником Ташав-Хаджи и прославился среди народов Чечни и Дагестана как храбрый, мужественный командир, отважный воин, предводитель восставших горцев.

В юности он получил хорошее образование, проявил большие способности к наукам, учился у известных алимов Чечни и Дагестана, владел, кроме родного чеченского, арабским, кумыкским, аварским языками.

¹ Хроника. Ч. II. С. 71

² Хожаев Далхан. Чеченцы в русско-кавказской войне. С. 234.

Отец Мухаммад хотел, чтобы сын занимался науками, просвещением своего народа. Первое время Шуаиб был нацелен на глубокое изучение наук, работал муллой. Однако быстротечные и трагические события, развернувшиеся в первой четверти XIX в. в результате усиленного наступления российских колониальных войск в Дагестане и Чечне, привели его в ряды самых активных борцов национально-освободительной борьбы. Он становится одним из самых активных участников чеченского восстания против царских войск, к 1829 г. – мюридом и активным помощником первого имама – Газимухаммада. После его смерти Шуаиб как бы уходит со сцены, его не видно рядом со вторым имамом – Гамзатбеком Гоцатлинским. С 1834 г., отойдя от активной военной деятельности, Шуаиб-мулла в течение четырех лет исполнял обязанности муллы в селении Оку-Юрт¹. Царское командование не простило ему активного участия в военных походах имама Газимухаммада и предпринимает меры для его убийства или привлечения на свою сторону путем обещания всяких благ и должностей. Шуаиб отвергает всякие предложения от властей. Чтобы избежать ареста, в 1838 г. бежит в горы Ичкерии, где становится мюридом шейха Ташав-Хаджи.

По этому поводу в рапорте генерал-адъютанта Нейдгардта военному министру Чернышёву от 20 ноября 1843 г. отмечалось: «В этом году (1838 г. – Ю. Д.) за связи с хищниками Шуаиба хотели арестовать, но

М. А. И. Дадаев и автор, потомок наиба А. А. Абдулмуслимов на могиле Шуаиба с. Центорой Ножайюртовского района Чеченской Республики. Фото Ю. М. Шихсаидова

¹ Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках. – М., 2005. С. 254.

он успел уйти к Ташав-Хаджи, у которого и сделался мюридом. Вскоре умом и храбростью он успел заслужить большое доверие у Ташав-Хаджи и тот не раз поручал ему командование большими партиями, с которыми он производил набеги в наших границах»¹.

Со временем он становится предводителем вооруженных отрядов чеченцев, главным помощником Ташав-Хаджи². В эти годы мы видим в его лице не муллу или ученого, а талантливое предводителя, храброго воина-командира восставших чеченцев, обладающего большими организаторскими способностями, умом и мудростью.

В 1840 г. Шамиль назначил его наибом Мичиковского общества, потом и мудиром.

Орден,
которым награждал
отличившихся
Шуаиб-мулла

Хайдарбек Геничутлинский писал по этому случаю: «В другой области Шамиль назначил своим наместником известного храбреца, дерзкого, как лев, Шуаиба Центороевского»³.

В начале 1840 г. Шамиль разбивает Чечню на четыре крупных округа. Над округом Гехи (Малая Чечня) он назначил наибом известного храбреца и друга – Ахбердил Мухаммада из Хунзаха, над округом Мишки (Мичиковское общество) – Шуаиба, над округом Ауха – Ташав-Хаджи из Эндирея, а в Большой Чечне (округ Шали-Гермичик) наибом был Джавадхан.

Кто же был этот Шуаиб, чем он заслужил такое огромное доверие и расположение имама Шамиля, который сделал его своим самым близким другом и соратником? Почему Шамиль доверил ему судьбу своей семьи? Известно, что Шуаиб-мулла охранял и обеспечивал безопасность семьи Шамиля в самые тяжелые времена, когда после поражения на Ахульго у Шамиля в Чечне не было своего жилья и средств к существованию.

Шамиля и его семью искали везде сотни царских шпионов и диверсантов, а русское командование грозило всем, кто окажет ему малейшее содействие, смертью, а тем, кто выдаст его или убьет, обещаны были несметные богатства и райская жизнь. Для того чтобы понять роль и значение Шуаиба в жизни Шамиля в тот период, необходимо тщательно изучить арабоязычные документы, материалы на дагестанских и чеченском языках.

¹ Рапорт ген.-адъют. Нейдгардта ген.-адъют. Чернышёву об управлении, введенном Шамилем в Чечне (20 ноября 1843 г.) // ДГСВК. С. 407

² Ахмадов Я. З., Хасмагоамдов Э. Х. Указ. соч. С. 254.

³ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки. С. 84–85.

Во всех дагестанских источниках на арабском языке и языках народов Дагестана, введенных в научный оборот, а также хранящихся в личных коллекциях и непереданных на русский язык, встречаются только восторженные отзывы о храбрости, мужестве, умении вести за собой людей, благородстве и порядочности Шуаиба. Сам имам Шамиль, Джамалудин Казикумухский, Абдурахман-хаджи из Согратля, Гаджи-Али Чохский, Мухаммад-Тахир аль-Карахи, Хайдарбек Геничутлинский и другие авторы в своих сочинениях, а также сами очевидцы событий в своих воспоминаниях не оставили нам ни одного негативного слова о жизни и деятельности Шуаиба-муллы Центоровского. Все, кто знал его, восхищались его храбростью, мужеством, уважали за высокую порядочность, преданность Шамилю, делу своего народа, своей вере. Чтобы не цитировать каждого автора, приведу полностью выдержку из сочинения Абдурахмана из Газикумуха, так как многое о Шуаибе он знал со слов своего отца Джамалудина, своего тестя имама Шамиля и по рассказам известных и авторитетных государственных деятелей Имамата. Мнение о Шуаибе самого Шамиля и его учителя Джамалудина, с которыми Шуаиб был очень близок, представляется весьма ценным.

Абдурахман из Газикумуха писал: «В начале своего прибытия в Чечню Шамиль назначил наибом известного во всей Чечне благородного храбреца Шуаиба. Он был самым близким помощником имама во всех военных делах. Ради имама он не пожалел ни своего состояния, ни своей жизни. Подтверждением служит следующий случай: однажды Шамилю и его войскам пришлось переночевать в лесу. Ночь была довольно темной. Расположились друг от друга на дистанциях. Поблизости к имаму были только его приближенные. Недалеко расположился наиб Шамиля, известный своей неотесанностью, безжалостностью к своим людям, особенно по делам веры, Муса из Балахуни. Он, оказывается, сидел со своими товарищами у костра и совершенно неожиданно из лесной темноты к ним приблизился юноша-чеченец и хотел погреться у костра. Муса велел ему удалиться вон, юноша протянул руку к пистолету за поясом, как бы хотел выстрелить. Муса опередил его и, выхватив свой пистолет, выстрелил. Юноша упал и закатил глаза. Шамиль услышал выстрел и поспешил к месту происшествия с оружием в руках. Увидев умирающего юношу, он спросил Мусу: «Кто он?» Муса сказал, что тот пришел за тем-то, хотел то-то. «Я убил его, зная, что мне его смерть лучше, чем моя». Шамиль засмеялся и вернулся в свое пристанище. Утром узнали, что убитый – (племянник) сын сестры наiba Шуаиба. Шамиль выразил ему соболезнование и сожаление за горячность наiba Мусы. Шуаиб даже не изменился в лице, только сказал имаму: «Если бы я вас не любил и не уважал от чистого сердца, искренне не служил бы Аллаху

и его посланнику в вере, я бы отомстил Мусе за убийство племянника. Сейчас же я готов пожертвовать собой, своим имуществом, жизнью своих детей за божье дело»¹.

Факт назначения Шамилем Шуаиба своим первым наибом в Чечне подтверждает и очевидец событий, известный ученый и автор исторической хроники о шамилевских сражениях Мухаммад-Тахир: «Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитые храбрецы Шуаиб Центороевский и Джавадхан Даргонский... Шамиль назначил Шуаиба и Джавадхана наибам в тех двух краях»².

За успешный разгром в лесах Чечни летом 1842 г. царских войск под командованием генерала П. Х. Граббе Шуаиба называли «маршалом лесной войны». Шамиль наградил его за победу над войсками генерала П. Х. Граббе знаменем. Следует отметить, что в боях против царских войск совместно с воинами Шуаиба принимали участие добровольно перешедшие на сторону имама русские солдаты и казаки. Царские генералы писали о нем: «В самом начале вступления своего в звание наиба Мичиковского он показал необыкновенную твердость характера при введении новых учреждений, поставленных Шамилем, жестокость преследования своих врагов и большое умение обращаться с народом и держать в руках толпу». О нем говорили, что он пользуется хорошим отношением имама, чеченцы уважают и боятся его»³.

Весь 1840 г. дено и ночью Шуаиб вместе с такими известными чеченскими предводителями, как Ташав-Хаджи, Ахбердил Мухаммад, Магомед-эфенди, Мааш, Оздемир, Суаиб, Тепи, Джавадхан, Думбай, Уллубий, Ахмедхан, проводит в напряженном режиме, поднимая и объединяя чеченские общества и тейпы на вооруженную борьбу против колониальных войск, создавая воинские отряды. Они помогают Шамилю создавать на территории Чечни новые наибства, подбирать и назначать наибов, кадиев, мулл, руководителей воинских подразделений (сотников, десятников), снабжать вооруженные отряды провиантом, оружием и боеприпасами. Шуаиб становится одним из первых помощников Шамиля в деле установления шариата, не только администратором нового порядка и системы управления, но и организатором национально-освободительной борьбы всех народов Северо-Восточного Кавказа против царских войск и местных владетелей.

Шуаиб с самого начала завоевал искреннее уважение и расположение Шамиля, вместе с Ахбердил Мухаммадом становится самым близким и доверенным человеком имама. «Шамиль полностью доверяет ему без-

¹ Абдурахман из Газикумуха. С. 73–74.

² Хроника. Ч. I. С. 88.

³ Рапорт ген.-адъют. Нейдгардта ген.-адъют. Чернышеву об управлении, введенном Шамилем в Чечне (20 ноября 1843 г.) // ДГСКВК. С. 407–408.

опасность своей семьи, что наиб и делал с достоинством»¹. Шуаиб был одним из самых одаренных и талантливых наибов Шамиля. Высокий авторитет среди чеченского народа, умение объединять и вести за собой различные чеченские общества, необыкновенная твердость и последовательность в создании новых государственных основ управления путем ликвидации устаревших адатных законов, принципиальность и разносторонние организаторские способности помогали ему в создании и формировании основ государства Имамат в Чечне. В 1840 г. Шуаиб-мулла и Ахбердил Мухаммад были самыми верными, одаренными и работоспособными наибам Шамиля.

В горах Чечни, в селении Ведено, в 1994 г. я записал одно изречение старого чеченца, которое он услышал от своего прадеда. Шамиль говорил: «Ахбердил Мухаммад и Шуаиб-мулла – два моих самых отважных и верных мюрида, «два крыла горного орла», я всегда с благодарностью вспоминаю их, когда мне очень трудно; жаль, что Аллах забрал их к себе так рано»².

Уже в марте 1840 г., когда вся Чечня восстала против царских войск, в рапорте капитана Пушкина начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полковнику Траскину отмечалось: «В начале нынешнего месяца (март 1840 г. – *Прим. авт.*) Шамиль прибыл из Аргунского ущелья... ему способствовал Магомед Эфенди, восторженный, предприимчивый мулла, имеющий уже, может быть, более самого Шамиля влияние над соотечественниками... К ним присоединились Мааш, Ахмедхан, Ташав-Хаджи, Суаиб, Джавадхан, Шуаиб-мулла, Думбай и Тепи. Они начали возмущать жителей, восстанавливая их против нашего правления»³.

Шуаиб ездит с Шамилем по всем обществам горной и равнинной Чечни, участвует весной 1840 г. в его походах в Ичкерия, Аух, Салатавию, помогает имаму присоединять их к Имамату и устанавливать там законы шариата.

В первых числах марта 1840 г. по приглашению плоскостных чеченцев Шамиль выезжает из Аргунского ущелья, чтобы присоединить к Имамату плоскостную Чечню. Шуаиб с другими соратниками Шамиля развертывает энергичную деятельность «по возмущению умов» жителей аулов Хазирь-Гойто, Чунгурой-Юрт, Урус-Мартан и других против царских властей. «Каждый вступающий в мюриды к Шамилю, к Ахверды Могома, к Шуаиб-мулле и другим лицам, близким к Шамилю, при-

¹ Хожиев Д. Военно-политическая и административная деятельность наиба Шуаиба-моллы Центороевского // Материалы Всесоюзной научной конференции. 20–22 июня 1989 г.; Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50 годах XIX в. – Махачкала, 1994. С. 136.

² Из полевого дневника автора.

³ Рапорт кап. Пушкина начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полк. Траскину о военных действиях в Чечне (23 марта 1840) // ДГСВК. С. 247.

носил на Коране присягу свято выполнять приказы, какого бы рода они ни были. Таким образом, имам составил около себя особый орден из лучших чеченских фамилий, для которых воля его была законом»¹.

Шуаиб становится одним из энергичных помощников в деле мобилизации чеченцев на борьбу с царским режимом. 15 марта 1840 г. один из отрядов восставших под его предводительством попадает в засаду, устроенную царскими войсками у села Алхан-Юрт, где Шуаиб был ранен.

В военных сводках царского командования в апреле 1840 г. об успехах Шамиля отмечалось, «что Шамиль со своими скопищами прибыл в деревню Акташ-Аух (ныне селение Ленинаул Казбековского района. – *Прим. авт.*) и, взяв с нее аманатов, намерен отправиться в Салатавию для возмущения народа», «что Шамиль, оставив в Юрт-ухе (с. Калинин-аул Казбековского района. – *Прим. авт.*) сообщника своего Ташав-Хаджи, сам со своими скопищами выступил из Акташ-Ауха и направился на Мичик или Маертуп»². В том же документе отмечалось, что «исполняющий должность главного кумыкского пристава войсковой старшина Алпатов доносит, что Шамиль, Шуаиб-мулла и Джавадхан выступили из деревни Акташ-Аух в Кешень-Аух, оставив в ауховском владении сообщника своего Ташав-Хаджи»³.

В конце 1840 – начале 1841 г. Шуаиб-муллу можно было видеть в самых разных направлениях действия шамилевских войск: в Ичкерии и Аухе, Салатавии и на Кумыкской плоскости, в горах Дагестана, Ингушетии и на подступах к Моздоку, в направлении Владикавказа, в Горной Чечне, на границе с Грузией и в центре Имамата – в Дарго.

27 декабря 1840 г. Шуаиб-мулла совершает на Амир-Хаджи-Юртское укрепление (ныне место рядом с селением Аксай Хасавюртовского района РД. – Ю. Д.) набег, примечательный «как по многочисленности участвовавших в нем скопищ горцев, так и по смелости... предприятия»⁴.

В течение всей зимы 1840/41 г. храбрые воины под командованием Шуаиба совершали походы за Сулак, до самой Темир-Хан-Шуры, угрожая сообщению с Кавказской линией и Закавказьем. Командиры его воинских отрядов совершали смелые рейды и набеги на царские крепости и укрепления по всей Сулакской и Моздокской укрепленным линиям.

Он развернул мощную организаторскую работу по созданию Имамата на всей территории Чечни и Дагестана, неустанно следовал за Шамилем, став для него по-настоящему надежной опорой, правой рукой.

¹ Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Тифлис, 1859. С. 110.

² Журнал военных действий Чеченского отряда с 18 по 25 апреля (17 мая 1840 г.) // ДГСВК. С. 255–256.

³ Там же // ДГСВК. С. 258.

⁴ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // КС. – Тифлис, 1877. Т. 2. С. 38.

Именно начиная с 1840 г. раскрылись его необыкновенные способности и талант шамилевского полководца, администратора в деле строительства нового государства. Со стороны нельзя было не видеть в действиях Шуаиба неугасимую энергию, титаническую работоспособность, смекалку и упорство в порученном деле. Шамиль, его сподвижники и царское командование колониальных войск высоко ценили и уважали этого простого чеченца, ставшего широко известным на всем Кавказе благодаря только своим личным качествам.

Там, где выступал Шуаиб-мулла, всегда были успех и победа, он не знал поражений в сражениях с царскими генералами. Так, например, в октябре 1841 г. он возглавил объединенный поход чеченцев на Кизляр, который принес его войнам не только богатую добычу (они отняли у царских войск одну пушку), но и военную славу. Шуаиб нанес сокрушительное поражение царским войскам под командованием генерал-майора Ольшевского, пытавшегося отрезать путь войнам Шуаиба в горы. Зимой 1841/42 г. Шуаиб-мулла производит целую серию опустошительных набегов на Кумыкскую равнину, создав серьезную угрозу сообщению между Темир-Хан-Шурой и остальной линией¹.

Полководческий и административный таланты Шуаиба особо проявились летом 1842 г. в битве с колониальными войсками под командованием генерал-адъютанта П. Х. Граббе, который тремя годами ранее нанес поражение Шамилю под Ахульго.

Известно, что в мае 1842 г. Шамиль вместе с такими известными своими полководцами, как Ахбердил Мухаммад, Хаджимурад, Кебед Мухаммад из Телетля и др., находился под Кумухом с целью вторично овладеть им и установить там законы Имамата. Зная это, П. Х. Граббе решил вторгнуться с большими силами из Герзель-аула в Ичкерия, овладеть столицей Имамата Дарго и захватить находящуюся там семью и близких Шамиля.

Это входило и в планы императора Николая I, который потребовал от кавказского командования принять решительные меры по покорению Северо-Восточного Кавказа, прежде всего Дагестана и Чечни. Он писал: «...полагаю, что занятие Чиркея должно считаться весьма полезным для успокоения собственно пространства от Сунженской линии, Терека до Каспийского моря и владений Тарковских. Но далее, к Мехтулинскому и Аварскому владениям, не считаю сделанного достаточным; надо ближайше на месте обсудить, какие точки нужно занять, кроме Хунзаха, чтобы владычество Наше и спокойствие края считать прочным»².

В рамках этих указаний императора командующий Кавказской линией генерал П. Х. Граббе задумал операцию по захвату столицы Имамата

¹ Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. Указ. соч. С. 255.

² Богуславский Л. История Апшеронского полка. Т. 2. – СПб., 1892. С. 43.

Дарго и разгрому военных сил известных наибов – Шуаиба, Джавадхана, Уллубия и др. в Чечне, а генерал М. З. Аргутинский-Долгоруков должен был нанести поражение горцам в Аварии и Андалальском обществе в Дагестане.

Потомок наибо А. А. Абдулмуслимов, автор и известный краевед М.-А. И. Дадаев у памятника в честь наибо Шуаиба. с. Центорой Ножайюртовского района Чеченской Республики. Фото К. С. Дадаева

План был детально разработан и согласован с военным начальством в Санкт-Петербурге. Хитроумный и опытный генерал-адъютант М. З. Аргутинский, из Грузии вторгшийся в район Кази-Кумуха, должен был отвлекать основные силы Шамиля от его столицы. Первоначально план, разработанный генеральным штабом военного министерства и командованием войск на Кавказе, выполнялся как по нотам. М. З. Аргутинский огромными силами привязал к себе основные силы Шамиля под Кази-Кумухом, а тем временем П. Х. Граббе самоуверенно, с 10-тысячным отрядом и огромным обозом 30 мая 1842 г. двинулся в Ичкерия для осуществления основной цели плана. Замысел Граббе «увенчался» полным провалом прежде всего благодаря отважному наibu Шуаиб-мулле, который развернул энергичную деятельность по подготовке к отражению карательной экспедиции, личным примером вселяя бодрый дух и уверенность в победе¹.

¹ Хожаев Далхан. Военно-политическая и административная деятельность Шуаиб-миллы Центороевского // Материалы Всесоюзной научной конференции. «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50 годах XIX в.». 20–22 июля 1989 г. – Махачкала, 1994. С. 136.

Историк Шамиля оставил нам следующее описание этого эпизода: «Когда имам выступил для оказания помощи казикумухам и подготовил для этого войско, проклятый граф (П. Х. Граббе. – *Прим. авт.*) с многочисленными отрядами и большим количеством снаряжения вознамерился двинуться на детей и женщин имама, находившихся в Дарго. Сделать это он думал со стороны Ичкерии, пройдя между двумя вилайетами; один, управляемый храбрецом Шуаибом, а другой – Уллубием, наибом Ауха.

Затем Шихмирза пошел к Шуаибу и нашел его, подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Шуаиб уже возвел вал поперек дороги, которую имели в виду русские, и устроил на ней завалы. Шихмирза спросил Шуаиба: «Ну как ты себя чувствуешь?» Тот ответил: «Намерен быть терпеливым при встрече с врагами и не отступать перед ними». Затем Шихмирза спросил: «А как твои воины?» Шуаиб ответил: «Ну как могут быть они? Через нас русские пройдут; если только меня убьют, то каплям выпустят из меня кровь и затем растопчут»¹.

Шуаиб-мулла готовился тщательно к встрече с генералом П. Х. Граббе, помогал и другим наibaм, тайно готовился перевезти семью Шамиля в Андию, если вдруг русские войска сумеют приблизиться к столице Имамата – Дарго. «Публично же Шуаиб говорил: «Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго»². Разведка Шуаиба работала на высочайшем уровне, ему стало известно не только о численности и составе войск, двинувшихся с карательной экспедицией в Ичкерию, о маршруте движения и коварных планах генерала Граббе, но и о тех чеченцах, которые находились в составе его отряда и работали проводниками.

Шуаиб и день и ночь рассылал гонцов во все концы Ичкерии, близлежащие общества Дагестана, создавал летучие отряды из лучших чеченских всадников, известил своих соседей: ауховцев, салатавцев, гумбетовцев и андийцев – о движении многочисленных русских войск из Герзель-ауда и крепости Внезапная (крепость Внезапная находилась на правом берегу реки Акташ, выше аула Эндирей. – *Прим. авт.*). В отсутствие Шамиля мы видим, как он на практике выполняет роль заместителя имама, координирует деятельность других чеченских наibaов, привлекает на борьбу с противником Салатавское, Ауховское, Андийское, Гумбетовское наibaства, хотя значительная часть их войск находилась в это время вместе с Шамилем под Казикумухом.

Даже лазутчики, предатели из числа чеченцев и дагестанцев, в отряде П. Х. Граббе говорили ему, что Шуаиб – очень талантливый и храбрый наиб, он большой администратор и организатор, заставь его врасплох

¹ Хроника. Ч. I. 108.

² Там же. С. 109.

невозможно, что у Шамиля он пользуется безграничным доверием и лучше не пытаться пройти через его наительство к столице Шамиля.

Муса Хасаев, царский офицер, полковник, князь из Аксая, сопровождавший Граббе, пытался было удержать царского генерала от похода в Дарго. Муса, хорошо знавший горы, горский характер и мужество чеченцев, их храбрость, предостерегал генерала, говоря, что очень опасно с таким большим отрядом вступать в центр Имамата, в лесную Ичкеррию.

Как писал Мухаммад-Тахир, Муса Хасаев предостерегал генерала П. Х. Граббе: «В лесах Чечни сидят всадники, подобные львам. В стране имама живут суровые храбрецы. Ты не ходи к ним. Ты только отдашь им в добычу одежды и оставишь трупы собакам и волкам на съедение»¹.

Как известно, первые два дня П. Х. Граббе надменно и горделиво смеялся над предупреждением предателей своего народа, своих же платных агентов, спрашивая с издевкой: «Где же те львы и герои?». Муса Хасаев отвечал ему: «Ты подожди до завтра»². На третий день, пройдя невысокие предгорные вершины, заросшие негустыми лесами, по долинам рек Аксай, частично Яман-Су и Ярык-Су, 10-тысячный отряд русских вошел в дремучие и непроходимые ичкерийские леса и вытянулся на несколько километров, как дождевой червь. Многочисленные продовольственные и хозяйственные повозки сильно растянулись.

Кроме того, каждый солдат нес на себе запас продовольствия на восемь дней, весом около 30 кг, а также 60 патронов. Это обстоятельство еще больше затрудняло быстрое продвижение через покрытые густым лесом горы Ичкерии. «Рейд русских еще более затрудняли начавшиеся обильные дожди, превратившие плодородную почву Черных гор в грязь, почти не проходимую для обоза и артиллерийских повозок»³.

Ичкерийские леса и дожди мешали движению отряда, с одной стороны, а с другой – постепенно затягивали русскую армию в ловушку, закинутую самой природой и вдобавок стараниями Шуаиб-муллы и его воинов.

На второй день движения они были атакованы отрядами Шуаиба с разных сторон, имелись убитые и раненые. Эта была своего рода разведка боем со стороны Шуаиба.

На третий день Шуаиб и его командиры нарочно пропустили отряд в глубь леса и затем открыли огонь, свинцовым дождем лившийся на головы русских солдат и казаков.

Воины под командованием П. Х. Граббе не могли видеть, откуда летят пули, кто стреляет, они слышали только пчелиное жужжание пуль. Как

¹ Там же.

² Там же.

³ Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках. С. 162.

писал историк, «на третий день русские поднялись, чтобы двигаться дальше, и тут против них разожгли пламя войны – и спереди, и сзади, и справа, и слева»¹. Сделали это под предводительством Шуаиба и Уллубия чеченцы, а им помогали андийцы, салатавцы, гумбетовы и Сухаиб, заместитель наиба Джаваджана, который был тяжело ранен в первый же день и умер затем от этой раны. Как писал Мухаммад-Тахир, этот прославленный шамилевский наиб – Джаваджан – «кусал себе кончики пальцев, сожалея, что у него нет возможности принять участие в этой битве»².

В этом сражении проявился большой талант Шуаиба, которого впоследствии называли «маршалом лесной войны».

Шуаиб со всех сторон, с флангов и тыла, окружал царские войска, потом вклинивался в середину колонны, отсекал авангард от основного отряда, отрезал и окружал арьергард во главе с командирами, и методично уничтожал противника.

Он искусно соорудил по пути отряда П. Х. Граббе большое количество лесных завалов, волчьих ям, разместил на деревьях самых метких стрелков. Горские винтовки перезаряжались медленно, поэтому солдаты Граббе, выдержав первый залп, сразу же бросались в штыковую атаку, стремясь достичь очередного завала до того, как горцы успеют перезарядить свои ружья. Однако в данном случае этот прием не приносил успеха, потому что за одним завалом воины Шуаиба устроили еще несколько, лежащих один за другим³. Поэтому солдаты и офицеры, преодолевшие первым завал, обычно погибали во втором или третьем.

Шуаиб был настоящим мастером и новатором ведения войны в лесах. Он впервые применил в ичкерийских лесах тактику «кинжальных ударов» по противнику, суть которых заключалась в том, что группа отчаянных смельчаков бросалась в колонну врага, внося суматоху и расстройство. На время, пока войско опомнится и перестроит свои ряды, эта группа отходила, в бой вступали другие группы, засевшие в укрытиях, волчьих ямах, устроенных по пути движения колонны русских войск.

Он был автором тактики «проливного свинцового дождя». Она заключалась в том, что на пути следования русских войск группы метких молодых стрелков, от 20 до 40 человек, вооруженные лучшими винтовками, заранее укрывались в густых кронах высоких деревьев, и как только колонна войск противника проходила мимо, на головы солдат и казаков лился проливной свинцовый дождь. Солдаты не видели, откуда и кто стреляет, зачастую, растерявшись, одни панически и в страхе бежали кто куда, другие стреляли вверх по невидимому противнику, а

¹ Там же.

² Там же.

³ Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. Указ. соч. С. 256.

третьи от беспомощности падали на колени, просили бога о спасении и просто ждали, пока их настигнет пуля чеченского снайпера.

Первой мишенью бойцов Шуаиба становились русские офицеры, которых погибло больше половины, поэтому, чтобы спастись от меткого огня и острого кинжала чеченцев, офицеры даже начали надевать на себя солдатские шинели.

Отличное знание местности, превосходное умение ориентироваться в лесу в любое время суток, молниеносная подвижность воинов Шуаиба позволили ему навязать Граббе свою тактику боя и одержать победу малыми отрядами над целыми батальонами и полками. Этому же содействовали, как ни странно, сопровождающие войско огромные и маневренные интендантские обозы. Надо сказать, что их громоздкость, малая подвижность, растянутость в горах Дагестана и в лесах Чечни были на руку Шамилю и его полководцам в дальнейшем, в ходе Кавказской войны.

Чем больше продвигались войска Граббе в глубь дремучих лесов, тем ожесточеннее и страшнее становилась для них эта дорога. Старые солдаты, служившие давно на Кавказе, впоследствии называли этот поход в ичкерийских лесах «дорогой в ад»¹.

Целые батальоны теряли свои боевые качества, в длинной колонне русских войск начинался беспорядок, офицеры не знали, где тыл, где авангард, и многие погибали от горских сабель и кинжалов на месте.

А. Пронели в своей книге «Горный орел Шамиль» писал: «Один завал некий наиб Шуаиб защищал с таким мужеством, что было удивительно. Всех офицеров авангарда – передового отряда – он или убил, или ранил»².

Обобщенную и краткую картину характера сражений и разгрома войск генерала П. Х. Граббе дает дагестанский историк Мухаммад-Тахир: «Мюриды сразились с русскими, поубивали их и раздели, а когда те приблизились к Белгатою и Гордали, то были окончательно разбиты и повернули назад. Мюриды убили, словно скосили, большое число русских. Они, врываясь спереди в среду отступающих, отделяли от них какую-либо группу людей, окружив со всех сторон, убивали их до последнего. Действуя так, мюриды, наконец, окружили их и затем в течение трех дней держали в местности, где у русских не было воды. Окруженные, они были вынуждены даже сдирать кору с деревьев и высасывать из них воду. Их оттеснили до такой степени, что тот проклятый граф (генерал-лейтенант П. Х. Граббе. – Прим. авт.) сказал: «Где же избавление? Как же успокоиться?»³.

¹ Из полевых материалов автора, собранных в Чеченской Республике в 1994 г.

² Хожаев Далхан. Чеченцы в русско-кавказской войне. С. 230.

³ Хроника. Ч. I. С. 109.

Войско под командованием П. Х. Граббе на глазах теряло присутствие духа, храбрость и мужество. 10-тысячное войско растерялось от интенсивной, разнообразной и мощной тактики ведения боя чеченцами под предводительством отважного и талантливого полководца Шуаиба. Два дня это войско находилось в полном окружении в чеченском лесу, где невозможно было найти ни капли воды, чтобы смочить горло, а лошади, волы, тянувшие повозки, страдали и погибали так же, как и люди. Как отмечал известный кавказовед Г.-А. Д. Даниялов, «русские не могли сделать ни шага вперед, чтобы не натолкнуться на завал, не расчистив который, не раскидав хворост и деревья, двигаться вперед было невозможно. Сами же горцы дрались отчаянно. Если бы они щадили врагов, то не сумели бы уберечь свои головы. Как снежная лавина с гор, рушились горцы на русских и стойко защищали каждую пядь своей территории. Генерал Граббе и его отряд занимались тем, что кое-как расчищали дорогу от завалов и выгоняли горцев из-за завалов. Шуаиб-мулла с таким героизмом защищал один завал, что истребил и погубил всех офицеров переднего отряда. Здесь же был убит и полковник Островский – командир первого батальона Кабардинского полка»¹.

Шуаиб и его воины были мастерами молниеносного удара и такого же быстрого отхода, ночного боя, окружения по частям войск П. Х. Граббе, преследования противника в авангарде, по флангам, с тыла в течение всего похода. Многие другие тактические новинки, примененные Шуаибом, в дальнейшем широко использовал имам Шамиль, особенно летом 1845 г., когда разгромил в Чечне войско под командованием наместника М. С. Воронцова. Известный храбрец, генерал Пассек сражение с горцами сравнивал с крейсером, «вокруг которого одна лишь водная гладь, где нет тылов, фланга, авангарда, кругом сплошная линия фронта: горец мог появиться в любом направлении»².

Дуэль между известным царским генералом П. Х. Граббе, победившим самого Шамиля под Ахульго летом 1839 г., и шамилевским мудиром Шуаибом завершилась полной и безоговорочной победой храброго и умного чеченца.

Армия Граббе была разбита и сокрушена. 2 июня 1842 г., на четвертый день своего похода, Граббе отдал приказ остаткам войска возвращаться тем же путем туда же, откуда начали свое наступление, т. е. в сторону Герзель-аула и крепости Внезапная. Повернувшему назад отряду гораздо труднее было пробивать дорогу, нежели двигаться вперед. Беспорядочно смешанная и потрясенная армия отдала горцам шесть пушек. «Такого позора не мог вынести подполковник Траскин. Он в жестоком бою

¹ Даниялов Г.-А. Д. Имам Шамиль. С. 114.

² Рамазанов Х. Х., Рамазанов А. Х. Военное искусство Шамиля. С. 33.

возвратил назад пять пушек. Дорого обошлось это геройство Траскину – он получил несколько пуль и там же у пушек отдал душу Богу»¹.

В течение четырех дней русские войска находились в полном окружении и 4 июня возвратились в Герзель-аул, потеряв, по официальным данным (которые, как правило, значительно занижались. – Ю. Д.), двух генералов, 66 офицеров, около 1800 солдат, не считая многочисленных раненых, огромный обоз и две пушки, доставшиеся горцам.

В архивных документах русскоязычного и арабоязычного характера отмечается, что невозможно описать словами отступление рассеянной и разгромленной армии под руководством Граббе.

Граббе был сильно подавлен и крайне расстроен после столь сокрушительного поражения, нанесенного ему Шуаибом. Не желая признать своего поражения, он организовал экспедицию, теперь уже в Дагестан. Результаты ее были менее масштабными, но такими же плачевными.

В конце июня 1842 г. П. Х. Граббе попытался получить реванш за поражение в Ичкерии от наиба Шуаиба. Он собрал 20 батальонов общей численностью свыше 15 тысяч человек и 24 июня двинулся в Нагорный Дагестан, взял Цатаных, потом аул Игали на правом берегу реки Андийское Койсу. 29 июня экспедиция бездарно закончилась.

В главе, посвященной нападению 15-тысячного войска под командованием П. Х. Граббе на селение Игали, историк Шамиля кратко писал: «Проклятый граф (Граббе. – *Прим. авт.*) вместе с теми, кто остался с ним после той битвы, пошел на Темир-Хан-Шуру, затем примерно через месяц он пошел на селение Игали. Туда же полетели птицами воины имама. Они сначала отогнали русских и поубивали их, а затем обратили в бегство»².

Результаты экспедиции даже в штабе войск Кавказского командования в Тифлисе оценивались как скромные. Головин писал об этом Клейнмихелю: «...для истребления сел. Игали не нужно было сосредотачивать двадцать батальонов, заготавливать с лишком 20 тыс. четвертей сухарей на одном пункте, ни перевозить за невероятно высокую плату в горы сорокадневного продовольствия на 15 тыс. человек»³.

В своем сочинении Мухаммад-Тахир приводит одно очень интересное дополнение о том, как Шуаиб побеждает царского генерала не только на поле битвы, но и в прозе. Историк писал: «Этот граф (Граббе. – *Прим. авт.*) после того события отправил послание к Шуаибу примерно такого содержания: «Ты не воображай, не гордись тем, что убил одного или двух солдат, которые пошли в лес за дровами». Шуаиб направил ответное послание, где было написано: «Я там не присутство-

¹ Даниэлов Г.-А. Д. Имам Шамиль. С. 114.

² Хроника. Ч. I. С. 110.

³ Письмо Е. А. Головина П. А. Клейнмихелю от 26.VII.1842 г. // АКАК. 1884. Т. 9. С. 396.

вал, однако слышал, что мальчишки пошли в лес резать порей и убили солдат»¹.

О блестящей победе Шуаиба стало известно не только в Чечне, Дагестане, Кавказе, в Санкт-Петербурге, но и за рубежом. Шамиль, вернувшись в Дарго, наградил Шуаиба драгоценным расписанным и расшитым знаменем, которое раньше принадлежало Аслан-хану. Он также похвалил бойцов².

Уже в июле 1842 г. военный министр Российской империи генерал-адъютант Чернышев указывал А. А. Головину, командующему войсками на Кавказе, на возросший авторитет среди народа таких сподвижников Шамиля, как Ахбердил Мухаммад и Шуаиб-мулла; предлагал использовать «неограниченные деньги, самые разнообразные методы для нейтрализации или организации раздора, разногласий между ними, вплоть до заказного политического убийства»³.

Шуаиб-мулла уже к концу 1842 г. считался одним из самых видных сподвижников Шамиля. Слава о нем быстро охватила Дагестан, Чечню, весь Кавказ, о нем говорили как о талантливом и выдающемся полководце, организаторе и создателе вооруженных сил Имамата, искусном военном реформаторе и верном сподвижнике Шамиля. Имам наградил его орденом в виде звезды с надписью: «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого».

В августе 1842 г. Шамиль вместе с Шуаибом и другими сподвижниками объезжает аулы Ичкерии, Ауха, Салатавии, благодаря горцев за разгром царских войск; отправляется воспрепятствовать постройке русского укрепления Ойсунгур, «а также первый раз употребить «в деле» полевое орудие, находившееся у Шуаиб-Муллы. Орудием этим управлял беглый русский артиллерист»⁴.

Его военный талант высоко оценивали сами русские офицеры. Так, бывший в плену у Шамиля в 1842 г. прапорщик Орбелиани показывал, что «дагестанские войска Шамиля не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройно, со своим наибом. В Чечне же, особенно у Шуаиба и Уллу-Бея, они подразделяются на сотни и пятисотни, под начальством сотенных и пятисотенных командиров, имеющих особые знаки отличия, трех- и пятиугольные звезды»⁵. С первой частью утверждения Орбелиани, о том, что дагестанские войска Шамиля не подразделяются на дробные части, можно не согласиться – в это время они только создавались, а в отношении войск под командованием Шу-

¹ Мухаммад-Тахир. Указ. соч. Ч. I. С. 110.

² Там же.

³ Отношение ген.-адъют. Чернышёва ген. от инф. Головину о мерах подавления движения горцев (19 июля 1842 г.) // ДГСВК. С. 352.

⁴ Хожиев Далхан. Указ. соч. С. 230.

⁵ Из показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, о системе управления в Имамате (1843 г.) // ДГСВК. С. 416.

аиба-муллы Орбелиани абсолютно прав. Шуаиб-мулла действительно первым в Имамате создал четкую систему воинских формирований, которые отличались храбростью, дисциплиной, были хорошо экипированы и лучше других вооружены. Он получил широкую известность как военный строитель и реформатор. Имам Шамиль во всем поддерживал его, помогал ему первым внедрить новое в организации войска. Шуаиб-мулла одним из первых начал использовать трофейные пушки, создал из чеченцев и перешедших на сторону Имамата русских солдат и офицеров артиллерийские батареи. Как показали время и события, Шуаиб-мулла был удивительно талантливым и способным организатором вооруженных сил нового государственного образования.

Первыми в Имамате его воины научились не только чинить и использовать трофейные артиллерийские орудия, захваченные у царских войск, но этими же орудиями выигрывать бой у укрепленных в крепостях артиллерийских батарей противника. Отнятыми у врага орудиями он громил его же артиллерийские батареи.

В сентябре 1842 г. он вместе с Хаджимурадом, Кебед Мухаммадом из Телетля командует объединенными отрядами горцев, отбивших в боях с царскими гарнизонами аулы и укрепления в Нагорном Дагестане. После двухдневных боев воины Шуаиба-муллы захватывают с. Цатаных и Арахтаускую башню¹.

При захвате Цатаныхского укрепления Шуаиб-мулла удачно использовал два трофейных орудия, укрыв их от огня противника за саклями. Очевидец событий, захваченный в плен при взятии Цатаныха и крепости, рядовой Леонтий Чернов свидетельствовал, что «Шуаиб-мулла 7 сентября вступил в жестокий бой с нашими войсками, несколько раз бросался в шашки, но не имел сначала решительного успеха. Во втором часу полудня, он поставил скрытно за саклями два орудия против нашей батареи, и когда действием их наши орудия были повреждены, он снова бросился в атаку, и в этот раз роты наши, несмотря на свое отчаянное сопротивление, были совершенно истреблены, человек 10 нижних чинов остались только в живых, а все прочие пали в бою»².

В том же документе отмечается, что «Шуаиб-мулла, начальствовавший над неприятельским скопищем под Цатаныхом, отправил взятых там в плен наших нижних чинов в Танус (с. Тануси нынешнего Хунзахского района РД. – Ю. Д.), где им был поручен присмотр за артиллерийскими лошадьми»³.

Шуаиб-мулла был известен в Имамате не только как отважный и порядочный наиб и мудир, новатор и реформатор, но и как поистине

¹ Показания солдат и офицеров Кавказской армии, бывших в плену, о взятии горцами селений Балаханы, Цатаных, Ахалчи, Гоцатль и об отношении Шамиля к русским пленным и перебежавшим солдатам (12 января 1843 г.) // ДГСВК. С. 365.

² Там же // ДГСВК. С. 365–366.

³ Там же // ДГСВК. С. 366.

набожный ученый, благородный, щедрый человек, страстный проповедник добра и мира между людьми, народами, истинный интернационалист, как и Шамиль. Под его началом в артиллерии и коннице служили рядом с чеченцами и дагестанцы, адыги, черкесы, кабардинцы, добровольно перешедшие на сторону Имамата русские солдаты, офицеры, казаки, поляки, венгры, представители других народов. Он не различал людей по вере, социальному происхождению, среди его командиров воинских подразделений были мусульмане и христиане, иудеи и католики, бывшие крепостные крестьяне, рабы, беки, князья, уздени. Поэтому народ его любил и уважал. Царское командование ненавидело и предпринимало все возможные средства, чтобы его нейтрализовать, отдалить от Шамиля.

Об огромном уважении и авторитете Шуаиба среди чеченского, дагестанских народов и во всем государстве Имамат свидетельствуют песни и стихи, сложенные народом о нем и его друге Ахбердил Мухаммаде еще при их жизни.

Нам удалось в ходе полевых экспедиций по аулам Дагестана и Чечни за последние 20 лет собрать несколько таких народных песен, в которых воспеваются мужество, храбрость и другие лучшие качества Шуаиба и говорится об их огромном авторитете среди народа. Военный министр Российской империи генерал-адъютант Чернышев писал, что Шамиль одного Шуаиба встречал нарочито уважительно «вне дома с большой радостью и искренним выражением дружбы»¹.

Шуаиб-мулла был для Шамиля незаменимым командиром. Он успевал быть везде, где нужны были тщательные и умелые действия, воля к победе. Со своими отрядами в 1843 г. он участвовал в освобождении Аварии от царских войск под командованием генерал-адъютанта М. З. Аргутинского-Долгорукова; его стремительные атаки становились неожиданностью для русского командования на Кумыкской равнине и Западном Кавказе. На Хунзахском плато еще продолжались упорные бои, когда Шуаиб совершил стремительный ночной бросок на равнину, который имел огромное морально-политическое значение для Имамата.

Мухаммад-Тахир посвятил отдельную главу своего сочинения этому походу Шуаиба. Историк Шамиля писал: «В то время, когда имам был в этом славном походе на плато Хунзаха, вышел Шуаиб с теми, кто был с ним, спустился на поля жителей равнины и пригнал оттуда множество баранты»². Дело не в том, сколько голов (16 тыс. – Ю. Д.) угнал Шуаиб, а в том, что уже в то время в горах Дагестана не осталось ни одной крепости и укрепления русских войск, все они были разруше-

¹ Хожаев Далхан. Указ. соч. С. 230.

² Мухаммад-Тахир аль-Карахи. Ч. II. С. 10.

ны и захвачены Шамилем, что сильно подействовало на дагестанцев и чеченцев, находившихся под властью царских войск на равнине, и начался их массовый переход на сторону Шамиля. В этом заключается морально-политическое значение стремительного похода шамилевского мудира.

Как отмечал далее Мухаммад-Тахир, «в связи с этим улетели сердца жителей равнины, и земля стала тесной для них, вопреки ее просторам. С этих времен расширились области, подчиненные шариату. Те, кто раньше отрицал шариат, начали сейчас даже опережать мюридов в его выполнении, оказании помощи его руководителям и поддержке их с серьезностью и усердием, оказанием услуг и помощью»¹.

В государстве Шамиля Шуаиб первым называли в списке среди самых справедливых наибов Чечни, куда входили Сухаиб, Ахбердил Мухаммад, Талхип, Осман и Умма из Зумсы².

В начале ноября 1842 г. по поручению Шамиля Шуаиб совершает повторный поход на Кизляр, в 1843 г. активно участвует в присоединении к Имамату Хунзахского ханства, в походах в шамхальство Тарковское, окрестности Ставрополя и Владикавказа. Шуаиб был не только одаренным полководцем, но и распорядительным и рачительным хозяином. Он строил дороги, мечети, школы, мосты, родники и, естественно, укрепления вокруг подконтрольных владений. По показаниям князя Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля, беглые русские солдаты «выстроили Шуаибу мечеть и мельницу, которая приводится в движение лошадьми или быками. Для чеченцев это новизна, и они со всех сторон съезжаются, чтобы посмотреть на это изобретение»³.

В начале мая 1843 г. на общем собрании всех наибов, старшин и мулл имам Шамиль вновь получил всеобщий вотум доверия. Шамиль объявил, «что непосредственное наблюдение за беспрекословным выполнением его предначертаний он поручает Ахверды Магома, Кибит-Магомеду и Шуаиб-мулле, через которых все наибы, старшины обязываются относиться к нему»⁴.

Шуаиб был одним из помощников Шамиля в деле создания вооруженных сил Имамата, формирования конницы и артиллерии, строительстве новых оружейных и пороховых заводов и совершенствовании всей системы военно-демократического управления государством и вооруженными силами.

¹ Там же.

² *Абдурахман из Газикумуха...* С. 78.

³ Из показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, о системе управления в Имамате (1843 г.) // ДГСВК. С. 420.

⁴ Рапорт ген.-адъют. Нейдгардта ген.-адъют. Чернышеву о мероприятиях Шамиля по упрочению своей власти (10 мая 1843 г.) // ДГСВК. С. 390.

В рапорте генерал-адъютанта Нейдгардта военному министру России генерал-адъютанту Чернышёву от 20 ноября 1843 г. сообщается, что Шамиль для лучшего управления разделил Чечню на четыре округа: Мичиковский, Ауховский, Большую и Малую Чечню (осенью 1843 г. Малая Чечня была разделена на два участка, границей между которыми была речка Рашин). «Наибом Мичиковского округа вновь был утвержден Шуаиб-мулла. Если в его административном ведении было 2000 семейств, то в военном отношении, кроме Ичкерии и предгорий, Шуаибу были подчинены также наибство Большой Чечни (2500 семейств), в котором наибом был ставленник Шуаиба – Суаиб Мулла Эрсеноевский, и Ауховский участок (1500 семейств), где управлял Уллубий из Кешен-Ауха»¹.

Особо проявился организаторский и военный талант Шуаиба в качестве мудира, то есть в ранге заместителя имама Шамиля². В русском документе от 22 марта 1843 г. чин наиба Шуаиб-муллы царские власти приравнивали к генеральскому (к такому же чину отнесли наибское звание Ахбердил Мухаммада, Уллубия-муллы Ауховского, Абакар-дибира Аргванийского, Кебед Мухаммада Телетлинского)³.

Шуаиба очень уважали дагестанцы, все жители Имамата, в том числе русские, поляки, венгры и представители других народов, перешедшие на сторону Шамиля, за благородство, сострадание и справедливость. О справедливости Шуаиба и его высоком авторитете писал в своих мемуарах С. Беляев, прошедший в 1842–1843 гг. в плену у чеченцев десять месяцев. Н. Дубровин писал о нем: «Шуаиб-мулла – наиб мичиковский, хотя был корыстолюбив в высшей степени, но эти недостатки с избытком заглушал своим умом и лихим наездничеством»⁴.

В августе 1991 г. в ходе полевой экспедиции в Чечню в селениях Дарго, Велено, Саясан, Бетти, Гендерген, Беной, Белгатой я записал несколько народных песен о чеченцах – шамилевских наибах и героях Кавказской войны – в подстрочном переводе с чеченского языка местных информаторов. Одна из них мне особенно понравилась, так как, по преданиям, ее сочинили и пели русские и казаки, перебежавшие на сторону горцев, жившие недалеко от селения Белгатой своей слободкой.

¹ Рапорт ген.-адъют. Нейдгардта ген.-адъют. Чернышёву об управлении, введенном Шамилем в Чечне (20 ноября 1843 г.) // ДГСВК. С. 402–403.

² Мудир по своим полномочиям в военных и гражданских делах имел в своем подчинении 4–5 и более наибов, считались руководителями наибств и заместителями имама. Среди них Ахбердил Мухаммад, Ташав-Хаджи, Шуаиб-мулла, Уллубий из Ауха, Кебед Мухаммад, Хаджимурад и др.

³ Рапорт ген.-м. Клюки фон Клугенау ген.-адъют. Нейдгардту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории (22 марта 1843 г.) // ДГСВК. С. 382.

⁴ Дубровин Н. Ф. История войны и владычество русских на Кавказе. Т. I. Кн. 1. – СПб., 1871. С. 468.

*Мы, рабства царя тяготы сбросив,
К Шамилю перебежали навсегда.
Свободу и землю нам Шуаиб подарил.
Детям нашим креститься –
Церковь построить велел.
Нам всем грамоте учиться –
Школу построил¹.*

Если отбросить эпитеты «известный», «храбрый», «подобный льву, приготовившемуся к прыжку», которые в изобилии встречаются в сочинениях о нем дагестанских, чеченских, русских и зарубежных авторов, перед нами встает благородный и мирный образ простого горца, у которого на первом месте были такие качества, как доброта, благородство, стремление и страсть к наукам, просвещению, любовь и уважение к людям труда, независимо от их веры, национальности и социального положения. Видимо, поэтому он пользовался большим почетом и уважением у своего народа, Шамиля, его сподвижников, даже у тех, с кем он воевал по воле судьбы. Об этом же свидетельствует его словесный портрет, составленный князем И. Орбелиани: «Шуаиб небольшого роста, лицо смуглое с небольшими рябинками, ловкий во всех приемах и особенности верхом. Он известен, как человек с хитрым и бойким умом, как отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель в бою»².

Шуаиб считался одним из самых талантливых и близких сподвижников имама Шамиля. «После гибели в 1843 г. Ахбердил Мухаммада Шуаиб считался главным претендентом на пост имама в случае гибели Шамиля, все доверие и надежды имам обратил на Шуаиба»³.

Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгардт писал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву 20 ноября 1843 г.: «Шуаибу теперь около 40 лет. Он пользуется доверием Шамиля и если останется с последним в хорошем отношении, будет одним из самых уважаемых его помощников; но в случае ссоры с Шамилем, то по влиянию, каково Шуаиб имеет на чеченцев, он может быть и опаснейшим его врагом. Чеченцы уважают и боятся Шуаиба»⁴.

¹ Из полевого дневника автора. Стихи на чеченском языке обнаружил и сохранил Нажмудин Темиргераев из с. Гендерген Ножайюртовского района Чеченской Республики, участник Великой Отечественной войны. Подстрочный перевод на русский Н. Темиргераева и автора.

² Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля: В 3 ч. – СПб., 1856. С. 31.

³ Хожаев Далхан. Указ. соч. С. 234.

⁴ Рапорт ген.-адъют. Нейдгардта ген.-адъют. Чернышеву об управлении, введенном Шамилем в Чечне (20 ноября 1843 г.) // ДГСВК. С. 408.

К началу 1844 г. Шуаиб стал руководителем «всей Чечни от среднего течения реки Ассы – на западе до побережья реки Акташ – на востоке»¹, – писал Далхан Хожаев, нисколько не преувеличивая роль и место Шуайба в Имамате. Действительно, в начале 1844 г. он являлся вторым человеком после Шамиля в Имамате по своему реальному положению, влиянию на народ и авторитету среди чеченцев.

«Самым искусным из помощников Шамиля, которому он доверял командование правым флангом, то есть всей страной, расположенной между Терекком и Андийским хребтом»², называет Шуайба французский консул в Тифлисе виконт Г. Кастильон в письме министру иностранных дел Франции Гизо от 18 мая 1844 г.

Царское командование предпринимало все меры для ликвидации этого отважного мудира Шамиля. В начале марта 1844 г. в родном селе Центорой Шуаиб был убит в ходе возникшей семейной ссоры с родственниками. Село было жестоко наказано имамом за убийство Шуаиб-муллы, и сам Шамиль поставил камень на могиле «некогда знаменитому в Чечне наibu Шуаиб-мулле»³.

Это была большая потеря не только лично для Шамиля, но и для всего государства Имамат. Существует версия о том, что семейная ссора была инициирована тайными агентами царского командования за большие деньги. Хотя имеются косвенные доказательства, прямых документов в архивах пока не обнаружено.

Казна мудирства, возглавляемого Шуаибом (байтулмал, а не личная собственность, как пишут некоторые историки), включала 35 крымских мужей, 4 тысячи голов баранов, 5 сотен голов крупного рогатого скота, 60 буйволов и 30 тысяч рублей серебром. По нашему мнению, эта собственность принадлежала байтулмалу (государству), находилась в распоряжении наибства и мудирства и использовалась в общегосударственных интересах.

Похоронен Шуаиб в селении Центорой Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

¹ Хожаев Далхан. Указ. соч. С. 234.

² Донесение Кастильона министру иностранных дел Франции Гизо от 18 мая 1844 г. Фонд департамента Генерального штаба. Д. № 113. 12.

³ Хожаев Далхан. Указ. соч. С. 257.